

Правда солдатских дневников и военная пропаганда в Венгрии в 1942–1943 гг.

Юдит Пихурик

27 июня 1941 года Венгрия вступила в войну против Советского Союза. Антибольшевизм был одной из идеологических основ периода правления Хорти (1920–1944), и это облегчило постановку цели войны и формирование образа врага: присоединение к вооруженному немецкому нападению рассматривалось как участие в крестовом походе против коммунизма. Наряду с пропагандистской работой о жестокостях сталинизма, начиная с конца 1941 года в венгерской печати стали появляться записки и очерки побывавших на фронте военных репортеров, офицеров и солдат. Даже еще в 1944 году в Венгрии издавались пропагандистские материалы, тенденциозно представлявшие Советский Союз и войну против него. Их тематика примерно одинакова: с одной стороны, описание боев и идеализированный показ достоинств венгерских и немецких солдат, а также критика противника, с другой стороны, описание советской действительности, призванное вызывать в читателях ужас. Согласно этим описаниям, падение сталинского режима было очень близко, так как народ ждал освобождения, армия плохо снабжалась и была плохо вооружена, а солдат принуждали воевать методами террора. Часты были ссылки на то, что немецкое нападение лишь предупредило готовящееся нападение Советского Союза на Европу. Ни одно из этих положений не оправдывает участие в войне, ведь известно, что 22 июня года 1941 именно Германия без объявления войны напала на Советский Союз, а осуждение внутреннего устройства страны не может служить поводом внешнего вмешательства. Однако, большинство упомянутых источников приводит эти аргументы, как достаточный повод для войны.

26 июня 1941 года три неопознанных самолета бомбили город Кошице, после этого на основании решения правителя Миклоша Хорти, в котором

эта акция была расценена как советское нападение,¹ премьер-министр Ласло Бардаши объявил СССР войну. С 1 июля 85-тысячную² карпатскую группировку перебросили на советский театр военных действий. Вероятно, основными мотивами при принятии решения о вступлении в войну послужили стремление сохранить присоединенные территории³ и надежда на продолжение этого процесса. В результате этого в январе 1942 года немцы уже требовали участия в войне вооруженных сил Венгрии⁴ в их полном составе. Венгерскому руководству удалось добиться того, что немцы удовлетворились отправкой на фронт второй венгерской армии. В апреле 1942 уже начались комплектование и отправка войск, а к концу лета 207 тысяч человек прибыло на линию фронта в район Дона южнее Воронежа. После большой перегруппировки советских войск в ноябре 1942 года началось их контрнаступление, результатом которого стало освобождение Сталинграда. В ходе этого контрнаступления в январе 1943 года вторая венгерская армия понесла колоссальные потери и была разгромлена. Погибло примерно 50 тысяч военнослужащих и призванных на трудовую службу, столько же было ранено, а количество попавших плен составляло примерно 28 тысяч.

У Венгрии не было претензий к Советскому Союзу, соотношение сил и количества войск также исключало возможность причисления этих стран к потенциальным противникам, тем не менее военные настроения, которые раздувала пропаганда летом 1941 года, создали условия для поддержки политического решения о вступлении в войну. После начала немецкого наступления соотношение сил на первый взгляд изменилось. Быстрое продвижение немецких войск создавало убеждение, что победа близка и главные силы противника уничтожены. Венгерское руководство не имело ясного представления о советском военном потенциале,⁵ но в течении 1942 года стало ясно, в каком трудном положении оказались наступающие. Однако внутри страны и дальше стремились поддержать односторонний взгляд на

¹ До сих пор не известно, чьи это были самолеты. Не исключено, что бомбежку провели советские самолеты, может быть по ошибке, но доказательств этому нет.

² P. Szabó, "Németország szövetségesei az 1941. évi szovjetunióbeli hadműveletekben." [Союзники Германии в военных операциях 1941 года в Советском Союзе] *Hadtörténelmi Közlemények* 114 (2001), 563–569.

³ В соответствии с трианонским договором 1920 года, Венгрия потеряла 57% территории и две трети населения. Между 1938 и 1941 при поддержке Германии некоторые территории были вновь присоединены к Венгрии.

⁴ В соответствии с трианонским договором, страна могла иметь армию до 35 тысяч человек. Развитие этой армии началось в тридцатые годы и ускорилось после 1938 года, но еще в 1942 запланированные три венгерские армии находились в процессе организации.

⁵ Эффективность советской армии большей частью недооценивалась. Габор Фараго (Gábor Faragho), бывший военным атташе в Москве, был информирован лучше: хотя он и знал об арестах командного состава, однако, считал, что Сталин делал все для армии и смог обеспечить ее современным вооружением. G. Faragho, *Szovjetország*. [Советская Россия] Budapest 1942, 70. (Далее: Faragho).

происходящее, было важно, чтобы возвращающиеся с фронта описывали положение в нужном свете. Общественное мнение по-прежнему не получало информации о снаряжении и снабжении венгерских войск, публиковались лишь описания отдельных боевых действий и эпизодов войны. В то же время с ноября 1942 года становилось все яснее, что солдаты имеют дело вовсе не с побежденным противником. Тем не менее, истинное положение второй венгерской армии, ее поражение, потери и отступление практически не освещались, и после января 1943 года пропаганда продолжала пророчить скорую победу.

Сохранилось немало записей фронтовых впечатлений, многие из которых были изданы в 1942–1943 годах. В них закономерный во время войны негативный образ врага сочетался с искажениями реалий советской системы, и находили место основные положения внутренней пропаганды. Непубликованные дневники дают возможность получить более дифференцированную картину и не во всем совпадают с тенденциозно отобранными материалами, предназначенными для публикации. Сохранившиеся рукописи подтверждают, что большинство солдат в 1942 году шли на фронт с энтузиазмом в надежде на быструю летнюю победу, веря под влиянием пропаганды, что они предотвращают советское нападение и их задачей является уничтожение большевизма. Со временем становилось все яснее, что снабжение затруднено, и что им противостоит упорно сопротивляющийся противник. С наступлением зимы судьба венгерских солдат была окончательно предрешена: они должны были обеспечить оборону двухсоткилометрового участка фронта. Вооружения было недостаточно, большинство лошадей пало, автотранспорт вышел из строя, не хватало бензина, ощущались перебои в поставках продовольствия, войска не получили вовремя зимнего обмундирования. Первоначальное воодушевление сменилось сомнениями, чувством неуверенности и покинутости, в записях встречается все больше горьких замечаний. Солдаты не чувствовали заботы и внимания со стороны оставшихся на родине, жаловались на недостаточную поддержку немецких союзников, они получали от командования все больше бессмысленных приказов. Типичным примером может служить отданное во время отступления распоряжение, строго запрещающее нарушения формы одежды и внешнего вида.⁶ В 20–40-градусный мороз, без соответствующего обмундирования и зимних сапог, при нехватке продовольствия, солдаты должны были строго соблюдать форму одежды и снаряжения.

На театре военных действий было запрещено вести дневники, но, несмотря на это, до нас дошло значительное количество их рукописей.⁷ Это

⁶ Hadtörténelmi Levéltár, (Далее: HL) 2. hadsereg iratai 30. fasc. Hadseregparancs [Военный архив документы второй армии, папка 30 приказов по армии] 24. I. 1943, Jány Gusztáv hadseregparancsának 7. pontja [п. 7 приказа по армии Густава Яни от 24. I. 1943].

⁷ HL Tanulmánygyűjtemény (Далее: TGY). В семьях может находиться еще много рукописей. В недавнем прошлом опубликовано несколько дневников, напр., S. Ve-

важные источники, так как они точно отражают перемену взглядов и мнений солдат и офицеров на фронте. По мере накопления опыта у авторов записей появляется все больше сомнений, хотя советский режим большинство из них поразил. Сохранившиеся дневники и заметки дают возможность составить более полную картину о том, каким видели Советский Союз венгерские солдаты, как они относились к войне и своей роли в ней. Наряду с описанием событий, многие запечатлели свои мнения, изменения в настроении, чувства – от воодушевления, с которым они отправлялись на фронт, до осознания того, что они оказались брошены в безысходном положении.

К другой группе источников относятся записки, опубликованные с пропагандистской целью. По призыву начальника венгерского генштаба Ференца Сомбатхеи (Szombathelyi Ferenc) многие участники боевых действий 1941 года записали свой фронтовой опыт, и была напечатана тематическая подборка полученных записей.⁸ Большинство опубликованного представляло собой описание боевых действий и эпизодов. Было также подготовлено издание на основании репортажей военных корреспондентов,⁹ а затем вышел том их избранных¹⁰ произведений.

Издавалось также множество отдельных записок, многие делились своими впечатлениями,¹¹ текст которых часто публиковали. Большинство опубликованных работ являются тенденциозными подборками, призванными поддержать энтузиазм даже в то время, когда с ноября 1942 года становилось все яснее: за поспешное решение придется заплатить огромную цену. До нашего времени сохранилось относительно немного литературы подобного рода, так как в 1945 году отдел печати при Президиуме совета министров Венгрии издал “Список фашистской и антисоветской печатной продукции,” и указание об ее уничтожении. Распоряжение было очень строгим, но какое-то количество экземпляров все же сохранилось в закрытых собраниях или случайно.

Чрезвычайно интересно сравнить картину, которую дают вышеупомянутые источники, и живой опыт авторов дневников. Позиции современ-

reczky, *Naplórészletek a Don kanyarból... A doni 2. hadseregben derűs percek is voltak...* [Отрывки из дневника с излучины Дона... Во второй донской армии были и светлые минуты] б. м. 2000; L. Somorjai, *Megjártam a Don-kanyart. Harctéri napló. Oroszország, 1942–1943.* [Я прошел Дон. Дневник с места боев. Россия, 1942–1943] Budapest 2002. (Далее: Somorjai).

⁸ *Honvédeink Vörösországról...* [Наши воины в Красной стране] собранные F. Marjai, Budapest 1942. (Далее: Marjai.)

⁹ M. Bojadzsiev, *Mit láttak a haditudósítók Vörös-Oroszországban? Európa és a bolsevizmus III.* [Что увидели военные корреспонденты в Красной России? Европа и большевизм III.] Budapest 1942. (Далее: Bojadzsiev.)

¹⁰ *Hat haditudósító a vörös fronton.* [Шесть корреспондентов на красном фронте] Budapest 1942.

¹¹ Венгерский солдат на войне против советов. Чтение в марте 1942 года в серии общеобразовательных лекций при поддержке предприятия Magyar Optikai Művek Rt. Автор неизвестен.

ников тех событий очевидно противоречат друг другу: бросается в глаза разница между работами, которые концентрируются лишь на жестокостях советского режима (они иногда удивительно прозорливы, но часто построены на предрассудках и написаны чаще всего в пропагандистских целях) и дневниками, рассматривающими ситуацию с разных сторон. На основании последних можно видеть, что не все хотели понимать, что задачей Венгрии является борьба со сталинским режимом, солдаты все меньше верили, что на Дону они защищают собственные границы. В то же время очевидно, что и тут невозможно было избежать влияния пропаганды, во многих рукописях всплывают знакомые штампы. Это закономерно, так как “образ врага” внушался солдатам во время подготовки перед отправкой на фронт. По пути на фронт этот образ отражается и в дневниках, но затем в большинстве случаев сменяется записями о сомнениях, разочаровании и чувстве безысходности. Оценка большевизма не меняется, но представления о целях войны и о “русских,” как называет большинство авторов дневников все народы, живущие в Советском Союзе, становятся все более дифференцированными.

Из-за небольшого объема нашей работы, мы подробнее проанализируем два источника. Один из них – написанный в 1942 году фронтовой дневник капрала Петера Пала Кечкеша (Péter Pál Kecskés),¹² который в течение десятилетий хранился в его семье, второй – впечатления с поля боя Йожефа Богдана, опубликованные осенью 1942 года.¹³

Содержание дневника капрала Петера Пала Кечкеша можно считать типичным, однако, это особый источник, так как до сих пор обнаружено немного записок, написанных рядовым составом. 36-летний отец троих детей, капрал был по профессии корзи́нщиком. Дневник он вел с 26 июня до 19 октября 1942 года. Во время отпуска в октябре он оставил дневник дома, а в январе 1943 погиб при Острогжске, вероятно при прорыве из города.

Кечкеш был призван из запаса в апреле 1942 года, 26 июня его часть¹⁴ отправилась по железной дороге из г. Кишкунфеледьхаза и 1 июля прибыла в Решицу. Оттуда, после полуторамесячного 960-километрового пешего перехода, часть 14 августа прибыла в прифронтовую полосу в район Дона и без отдыха была брошена в бой.

В августе и сентябре часть принимала участие в боях за мост у Урыва и Коротояка. В дневниках точно отражен “взгляд снизу” на исторические со-

¹² P. P. Kecskés, *Honvédnapló a keleti frontról. 1942. június 26–október 19.* [Дневник бойца с восточного фронта. 26 июня – 19 октября 1942 г.] Szeged 2002. (Далее: Kecskés).

¹³ J. Bogdán, *Útunk, harcaink a keleti vörös pokolban.* [Наш путь и бои в восточном красном аду]. Опубликовано в октябре 1942 г. в номерах 6, 8, 9, 10 и 11 газеты „Макои Уйшаг” (Makói Újság), а также в календаре „Скорбящей Богородицы” 1943 года, на основании которого было подготовлено отдельное издание. Нумерация страниц дается по отдельному изданию (Далее: Bogdán).

¹⁴ III. батальон 7-го кечкемитского пехотного полка.

бытия, когда из повседневной жизни, от семьи человек попадает на войну, при этом он лишен возможности принимать решения и влиять даже на свою судьбу, не говоря уж о судьбе других. Его образ мыслей, взгляды, настроения, чувства и их перемены проявляются в этом уникальном документе. Большинство записей дневника касаются обстоятельств похода, снабжения и конкретных событий: мы можем получить точную картину настроений в армии, а также впечатлений от Советского Союза. Поначалу в дневнике проявляется воздействие пропаганды, смысл участия в войне не подвергается сомнениям. Чувствуется влияние распространенных идеологий той эпохи – антибольшевизма и антисемитизма. Впервые Кечкеш упоминает о следах войны 28 июня, но не вдается в подробности. 29-го он уже пишет о партизанской опасности, когда часть перешла прежнюю границу Польши и СССР. 30-го автор записей увидел первые солдатские могилы, по его словам: "...могилы пионеров-мучеников нового мира, погибших в борьбе за лучшее будущее."¹⁵ Тогда еще нет сомнений, он еще искренне верит, что задачей венгерской армии является участие в разгроме большевизма, и вдали от дома они защищают родину.

Со 2 июля часть продвигалась пешком, таким образом автор мог непосредственно наблюдать жизнь оккупированных территорий. Чрезвычайно интересны записи Кечкеша, содержащие описания населенных пунктов, домов и их жителей. 1 августа он пишет: "'Хозяин' молодой русский, весьма приветливый, мы сказали ему, что хотим купить 'картошка' за деньги или в обмен на мыло или спички. Он тут же накопал ее на огороде, мы дали ему 3 куска мыла, он дал лука, за это мы дали ему еще мыла, обе стороны были довольны сделкой. После короткого совещания, было решено приготовить картошку с паприкой. Картофель, жир и лук есть, начинаем охоту за солью, стручковым перцем и посудой. Посуда нашлась после короткого обмена мнениями в течение 15 минут, а именно столько потребовалось, чтобы объяснить молодке, что мы от нее хотим, затем нашлась соль и маленький перец. На улице огонь разводиться запрещено, ищу в доме плиту – не нахожу. ... В середине комнаты встроена четырехугольная печь, в ней разводят огонь, ставят кастрюлю на трехногую подставку и так готовят. ... Когда хотят помешать или посмотреть, что варится, или готова ли еда, есть железный полукруг, насаженный на длинную ручку, им поддевают кастрюлю, поднимают с подставки и вынимают, а если надо, также ставят обратно. ... Русская молодка с удивлением смотрела, когда я положил в кастрюлю жир, а затем лук, и когда лук поджарился добавил тушиться промытую несколько раз картошку. Она смотрела, что из этого получится. Потому что они кладут картошку, наливают сверху воды, добавляют немного соли, и когда сварится, едят. ... Когда картошка хорошо потушилась в жире с луком, перцем и солью, я долил в нее воды и поставил обратно в печь печься, то есть, пардон, вариться. Когда картошка была готовы мы

---

¹⁵ Kecskés 26.

дали им попробовать, им очень понравилось. Мы дали им немного жира, а они дали за это молока.”¹⁶

В зависимости от дороги, часть проходила по 25–40 километров в день. По дневнику хорошо видно, как первоначальное воодушевление сменилось безразличием, а затем и разочарованием. 6 августа, после 770 километров перехода, в дневника появляется первая запись, отражающая отчаяние: “Мы чувствуем себя так, что если прилетит самолет, никто не выйдет из палатки, пусть летят осколки. Народ отчаялся, почему, писать не буду.”¹⁷

Местами в повседневные записи вкраплены потрясающие сообщения, как, например, 7 августа: “Сегодня нам выдали и минеральную воду. Сегодня девять человек из роты были в наказание привязаны к столбам. День немного скучный с духовной стороны, нет газет, радио, нечего читать, ничего нет.”¹⁸

Автор не сообщает причину наказания, он говорит о этом событии, как о повседневном. Как и далее: “Мы на марше, курить запрещено. Один солдат в колонне, Антал Й., застрелился. В 4 часа утра светает, разрешают курить.”¹⁹ Очевидно, что речь идет не о бесчувственности, кажущаяся безучастность может быть следствием усталости и разочарования. С течением времени в дневнике все больше сомнений, отчаянных записей. Кечеш опасается, что о нем забыли, в то же время он боится, что его близкие узнают, в каких условиях он живет и сражается. Потрясающий переворот в настроении происходит в течение чуть больше двух недель, после августовских боев. 13 сентября Кечкеш записывает: “То, что здесь происходит, самое дно человеческой грязи.”²⁰ Опыт боев, вызвал следующую мысль: “Это война разрушение, уничтожение жизни и добра.”²¹

В отличие от дневника Кечкеша, воспоминания октября 1942 г. старшего лейтенанта запаса, зубного врача из г. Мако д-ра Йожефа Богдана (József Bogdán) “Наш путь и бои в восточном красном аду” представляют собой типичный пример пропагандистского издания. Их автор записал свои впечатления об опыте шестимесячной военной службы уже после возвращения домой. Как и в большинстве подобных изданий, здесь дается однозначно негативная картина советского режима, народа и армии, распространенные в то время стереотипы и представления перемешаны с фрагментами пережитого в действительности. Воспоминания написаны еще в сознании верной победы, и показывают, что автор собрал множество наблюдений о повседневной жизни, жестокостях сталинизма, но его мнение формировалось под сильным влиянием предрассудков.

---

¹⁶ Там же 45.

¹⁷ Там же 50.

¹⁸ Там же 50–51.

¹⁹ Там же 53.

²⁰ Там же 84.

²¹ Там же 88.

Йожеф Богдан был призван в апреле 1942 года и служил врачом.²² Он принимал участие в боевых действиях августа и сентября, но вернулся домой еще до наступления зимы и трагического поражения. В своих воспоминаниях он упоминает о методах партизанской войны и о столкновениях с партизанами. Он пишет о них, как “о самом подлом, но и самом решительном сбросе.”²³ Многие в наступающей венгерской армии думали также о не желающем сдаваться противнике, в то же время эта тема представляла наибольшую трудность при осмыслении солдатами происходящего. Многие поверили, что являются освободителями и их будут встречать соответствующим образом, поэтому им трудно было понять партизан и население, которое с ними сотрудничало.²⁴

Богдан подробно пишет о своих наблюдениях во время полуторамесячного марша. В первую очередь его поразило отсутствие действующих храмов, они были перекрашены, переделаны и “несли печать запустения и варварства.”

Этот факт отмечен многими, многие писали о разрушенных или использующихся в целях пропаганды церквах. Также Богдан отмечает отсутствие вкуса и комфорта в новых зданиях. Он пишет об огромных общественных зданиях, служащих “большевистской идее централизации,” например, вокзалах. Автор считает это доказательством того, что большевики проектировали эти вокзалы для своей наступающей армии.²⁵ Трудно определить, где проходит граница между личным опытом и предрассудками, так как описания автора кажутся достоверными, однако сопровождающие их объяснения часто дышат предвзятостью: он сообщает, что в государственных квартирах можно жить до тех пор, пока это нравится “распределяющим квартиры большевистским жидокомиссарам.” Ясно, что Богдан не мог иметь об этом непосредственной информации, и он приводит здесь объяснения, подсказанные венгерской пропагандой. Антисемитская риторика встречается в записках не один раз, и в этом автор не одинок, большевизм и еврейство

²² 117-я саперная рота V. сегедского корпуса.

²³ Bogdán 15.

²⁴ С большим пониманием пишет по этому вопросу в своем дневнике Ференц Шоморай (Ferenc Somorjai): “В Кромах каждый день вешают по 3–4 партизана. Они на самом верхнем этаже большого здания, внизу больница, поэтому русские его не бомбят. Оттуда их иногда выводят на казнь; их близкие в отчаянии целыми днями стоят вокруг тюрьмы. Пленных кормят родственники и не знают, когда и кого поведут казнить. ... Ужасно. Несчастные люди, они тоже жертвы обстоятельств.” Somorjai 17.

²⁵ Bogdán 3. Шандор Ревичкий (Sándor Reviczky) в произведении *A vörös hadi késziilt-ség és a tömeg élete* [Боевая готовность Красной армии и жизнь масс] (Marjai 171–176) высказывает сходное мнение. Он пишет о “невероятно превосходящей” технической подготовке Советского Союза и признаках грандиозных приготовлений, которые “близятся к завершению.” Немецкое (и венгерское) нападение, по его мнению, носило превентивных характер, в противном случае Советы можно было бы остановить лишь ценой огромных потерь и разрушений. Marjai 172.

смешивают и многие другие авторы. Антисемитская политика внутри страны переплеталась с военной пропагандой, все злоупотребления сталинского режима долго рассматривали как преступления евреев, встречалась и точка зрения, согласно которой сам большевизм был изобретен и построен евреями.²⁶

Из записок Богдана следует, что в деревнях положение было еще ужаснее, чем в городах. Здесь большинство домов было крыто соломой, люди жили в тесноте, зимой вместе со скотом. Об этом упоминают и другие источники,²⁷ объясняя это неприхотливостью²⁸ и жалуясь на грязь и вонь. В описаниях условий жизни чувствуется взгляд со стороны, с дистанции, часто с иронией. Действие большевистской пропаганды автор объясняет записанным с чужих слов рассказом о том, что в школах детей с завязанными глазами сначала заставляют просить хлеба у Бога, а когда их желание не сбывается, они просят у Сталина, и тогда учитель кладет перед ними хлеб. Этим объясняется фанатичная вера молодежи и то, что "русский народ превратился в бездушную орду."²⁹

В записках Богдана чувствуется даже некоторое сочувствие по отношению к угнетенным крестьянам. В других источниках также встречаются описания поразительных случаев: одни, комментируя события, пытаются найти их причины, а другие видят причины всех бед в русском характере.³⁰ Богдан также делает общий вывод: "Они редко могут создать что-либо серьезное в одиночку, все делается сообща. Объехав более 800 сел, я много интересовался развитием народной души и пришел к выводу о том, что, наверное, в русском народе нет инициативы, склонности к индивидуальной жизни, которая присуща другим европейским народам, и благодаря этому коммунизм смог пустить в ней столь глубокие корни. К этому следует добавить азиатские расстояния, ужасные дороги, труднодоступность железных дорог, а главное, полное отсутствие здравомыслящего среднего класса. Нигде ни одного священника, почти нет учителей, врачей, трудно найти аптекаря в радиусе ста километров."³¹ По мнению автора дневника, эти функции выполняли евреи, бежавшие с отступающей армией. Мы снова видим тенденциозность в изложении: очевидно, что Богдан не был знаком

²⁶ См. *A bolsevizmus a parasztság ellen. Kép a szovjet igazi arcáról*. [Большевизм против крестьянства. Истинное лицо советов] Budapest 1943, 13, 33; *Bojadzsiev* 39, 43; *Faragho* 106, 110–111; Gy. Galánffy, "Pillanatfelvétel a szovjetről." [Моментальный снимок СССР] (Marjai 143–144) 144.

²⁷ *Kecskés* 33. J. Szász, "Rabszolgának jobb a sorsa!" [Судьба раба лучше!] (Marjai 132–133.) 132.

²⁸ Шебешгьен Копань (Sebestyén Koppány) в своих воспоминаниях объясняет маленькие окна и единственное помещение в русских домах холодной зимой. HL TGY 3115.

²⁹ *Bogdán* 8. Сходный пример приводит Габор Веребей (Gábor Verebély) в записках "Sztálin bácsi segít" [Дядя Сталин поможет] (Marjai 169.).

³⁰ *Faragho* 107–109; *Kecskés* 34; Galánffy, "Pillanatfelvétel" (Marjai 143–144.).

³¹ *Bogdán* 10.

с общественными проблемами советской российской истории, и здесь он приводит решение, подсказанное венгерской пропагандой, и не исследует корни явления – русскую историю.

Общая картина иногда скрашивается подробностями, в тексте встречаются и юмористические отрывки. Богдану уже на Дону рассказали о традициях выбора невест. Суть в том, что жена должна уметь хорошо работать, чтобы не пришлось работать мужу. Жена работает, воспитывает детей, напротив: “Мужчина уже сотни лет занимается только лошадьми и связанным с этим снаряжением. Он отличный наездник, прекрасно поет и чрезвычайно много советуется.”³²

Богдан описывает случай, когда он вылечил ожоги у девочки, и жители деревни предложили ему остаться у них и даже выписать семью. В благодарность они принесли ему продукты: свежую сметану, яйца, морковь. Этот эпизод важен потому, что ранее Богдан сообщал о нехватке продуктов на оккупированных территориях, здесь, однако, очевидно, что население имело запасы. В связи с этим случаем автор рассказывает о снабжении венгерской армии. Еду, получаемую от немцев, он считает немного непривычной, но безупречной, “почти отличной,” гигиеничной, разбитой на порции в тубиках,³³ при этом дается описание отдельных блюд.³⁴ По утверждению автора, единственным недостатком питания было то, что пока под огнем противника свежеприготовленную вкусную еду доставляли солдатам, она могла остыть. Вероятно, целью Богдана было успокоить оставшихся в Венгрии, так как многие источники указывают на трудности в снабжении. Например, Петер Пал Кечкеш уже на линии фронта записывает: “Мы очень голодны, второй день нет питания, может быть получим сегодня к вечеру, ждем вечера с нетерпением... Тот, кто не испытал, что такое война, не может ее себе даже представить. Голодным, без воды, усталым, грязным и не выспавшимся, ты должен все же быть, как нормальный человек.”³⁵ После этих записей, можно относиться только с иронией к замечанию Богдана о том, что он был рад, вернувшись домой в октябре, встретить ограничения,

³² Bogdán 11.

³³ Лайош Руми (Lajos Rumi) напротив пишет: “Может быть в этом было виновато и немецкое снабжение. – Непривычны были для венгерских желудков пудинговый порошок, леденцы, сардины (по мнению солдат, – змеиное мясо), искусственный мед, сардинный паштет, разные сыры, часто в тубиках, безвкусный хлеб, так называемый ‘Dauerbrot’, чай, которому солдаты приписывали волшебную силу и окрестили ‘ослабляющий чай’ и т.д. и т.п.” L. Rumi. *A magyar királyi 31. honvéd gyalogezred harci tevékenysége a Don mellett. (Az ezred felállításától az 1943 januári visszavonulásig).* [Боевые действия королевского 31 полка на Дону. (С образования полка до январского отступления 1943 г.)] 53. Он пишет, что население не выглядит голодным. 48. HL TGY 3160.

³⁴ Bogdán 12–13.

³⁵ Kecskés 62.

так как не мог испортить желудок после “здорового систематического питания.”³⁶

Часть Йозефа Богдана прибыла на линию фронта 26 июня 1942 года. Довольно живо он описывает продолжавшиеся 11 дней бои, в которые многих бросили после перехода в 800–1000 километров. Заслуживает особого внимания замечание о героизме истощенных солдат, так как автор упоминает лишь об отдохнувшем подкреплении, которое доставлялось на грузовиках.³⁷ О дальнейших событиях, о боях за мост в августе и сентябре наш автор уже не пишет, а в октябре он вернулся на родину.

Тогда он еще мог верить, что есть надежда на победу, его вера в справедливую войну еще не пошатнулась. 30 января 1943 года в местной газете “Макои Уйшаг” еще появилась написанная по воспоминаниям Богдана статья, которая служит трагическим примером того, что вторая венгерская армия была брошена на произвол судьбы. Статья под названием “Саперы впереди” посвящена бою 11 августа 1942 года и описывает обороняющиеся советские войска следующим образом: “кровожадная пьяная орда, подгоняемая политруками.”³⁸ В то время, как десятки тысяч венгерских солдат погибли, замерзли, попали в плен, описание боев на советском фронте все так же далеко от реальности. Об участке фронта, где окруженные 13 января остатки венгерской армии 25 января сложили оружие, 30 января писали следующее: “... враг бросил в бой большие силы, однако его атаки были нами решительно отбиты и враг понес кровавые потери.”³⁹

На двух выбранных нами примерах можно хорошо видеть характерные особенности групп источников. Дневник Петера Пала Кечкеша дает откровенную и достоверную картину мотивации воюющих солдат. Это глубоко личные записки, отражающие изменения настроений и чувств, дополняющие с ментальной и общественно-исторической стороны историю трагедии второй венгерской армии в излучине Дона. Воспоминания Йозефа Богдана призваны подкрепить картину, созданную военной пропагандой. Он считает, что немецкое нападение опередило советское, а целью его является уничтожение большевизма и освобождение советского народа. Он не замечает противоречий, например, что эти аргументы не применимы к другим захваченным немцами странам, он также не задумывается, какую свободу могла принести нацистская Германия на оккупированные земли.

---

³⁶ Bogdán 12.

³⁷ Bogdán 16.

³⁸ *Makói Újság* 1943. január 30. 3.

³⁹ Там же.